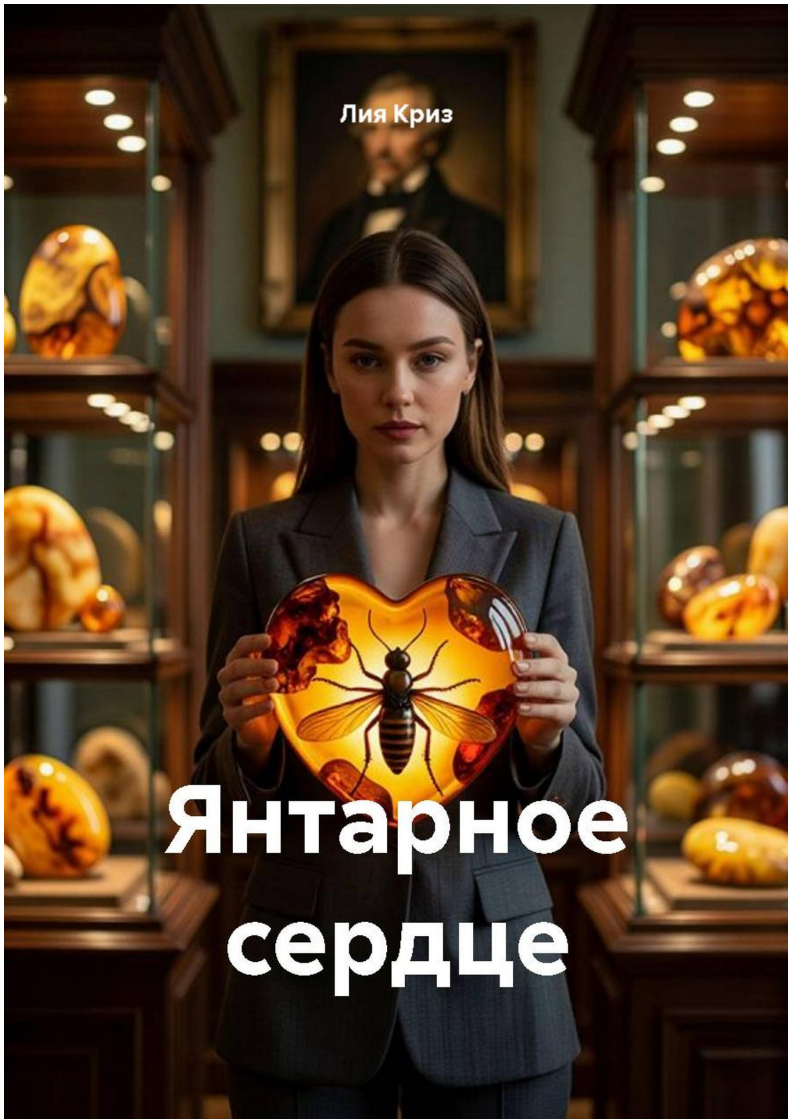

Лия Криз

Янтарное сердце

Лия Криз

Янтарное сердце

<https://litres.ru/74605154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полина — эксперт по янтарю из Петербурга. Она доверяет камням, а не людям: камни не врут. Её приглашают в приморский Зеленоморск оценить знаменитую коллекцию покойного Аркадия Штерна. Главное сокровище коллекции — брошь «Янтарное сердце» с комаром, застывшим сорок миллионов лет назад.

В первый же день Полина понимает, что брошь — подделка. Ночью в оранжерее мелькает свет, а утром экономку находят мёртвой у подножия лестницы к морю. В доме, где наследники ненавидят друг друга, каждый что-то скрывает. Расследование ведёт следователь Глеб Ветров, ироничный и упрямый. Он просит Полину о помощи, но вскоре улики начинают указывать на неё саму.

Захватывающая история о любви, обмане и правде, которая всегда оставляет след.

Содержание

Янтарное сердце	4
Глава 1. Вилла над обрывом	5
Глава 2. Комар, которого не было	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лия Криз

Янтарное сердце

Янтарное сердце

Роман в восьми главах

Oct 10, 2026 · @Влад

Глава 1. Вилла над обрывом

Дед Полины говорил, что камни никогда не врут. Врут люди, которые их продают.

Лев Аронович Лебедев сорок лет проработал ювелиром на Петроградской стороне. Он мог взять в руки кольцо, посмотреть на него в лупу полминуты и сказать, где огранили камень, сколько ему лет и сколько раз его перепродавали. Маленькая Полина сидела у него в мастерской на высоком табурете и смотрела, как под его пальцами оживают изумруды, гранаты и янтарь.

— Камень помнит всё, Полинка, — говорил дед. — Каждую трещинку, каждый пузырьёк. Надо только уметь спросить.

Деда не было уже девять лет. А Полина Лебедева в свои тридцать один год стала ведущим экспертом по янтарю в петербургском аукционном доме «Северная галерея». Она умела спрашивать камни. С людьми у неё получалось хуже.

Такси сломалось за два километра до цели.

Вернее, не сломалось. Водитель, усатый мужчина в кепке, остановился посреди дороги, ведущей вдоль обрыва, и мрачно уставился на огромную сосну, которая лежала поперёк асфальта.

— Всё, барышня, — сказал он. — Приехали. Вчера шторм

был, вот её и повалило. Дальше пешком. Тут недалеко, по променаду вдоль моря, минут двадцать.

— С чемоданом?

— А что делать. — Он пожал плечами. — Объезд через лес, но там после дождя грязь по колено. Я туда не полезу, у меня подвеска.

Полина вышла из машины. Ветер ударил ей в лицо так, что перехватило дыхание. Холодный, солёный, конец октября на Балтике. Внизу, под обрывом, ревело серое море. Волны накатывали на песок, разбивались в белую пену и отползали обратно. Над водой с криком носились чайки.

Зеленоморск. Маленький курортный город на побережье, в часе езды от Калининграда. Летом здесь, наверное, было красиво: сосны, песчаные пляжи, старые немецкие виллы с черепичными крышами. Сейчас город казался вымершим. Кафе на променаде были закрыты, лавочки пусты, только фонари раскачивались на ветру.

Полина вздохнула, подняла воротник пальто и покатила чемодан по мокрым плитам.

Чемодан был тяжёлым. В нём лежали не только вещи, но и всё её оборудование: ультрафиолетовая лампа, микроскоп, рефрактометр, набор луп, весы, реактивы. Колёсики грохотали по плитке, проваливались в щели, и каждые сто метров Полине приходилось останавливаться и переводить дух.

А ещё на ней были ботинки на каблуке. Красивые, замшевые, совершенно не предназначенные для прогулок по мок-

рому побережью. Утром в Петербурге это казалось хорошей идеей.

На очередном повороте каблук попал в щель между плитами, и Полина чуть не упала. Чемодан вырвался из рук и покатился к краю променада, к низкому каменному парапету, за которым начинался обрыв.

— Нет-нет-нет!

Она бросилась за ним, но не успела. Чемодан ударился о парапет, подпрыгнул, накренился...

И тут чья-то рука перехватила ручку.

— Осторожнее, — сказал мужской голос. — Море сегодня злое. Всё, что упадёт, оно не отдаст.

Полина подняла глаза.

Перед ней стоял мужчина лет тридцати семи. Высокий, в тёмной куртке с поднятым воротником, в потёртых джинсах и тяжёлых ботинках. Короткие тёмные волосы, растрёпанные ветром, лёгкая седина на висках. Небритый. Лицо худое, с резкими скулами, и глаза — светло-серые, почти прозрачные, как балтийская вода в пасмурный день. Насмешливые.

Рядом с ним сидел пёс. Старый палевый лабрадор с седой мордой, который смотрел на Полину с вежливым интересом.

— Спасибо, — сказала Полина, забирая чемодан. — Там дорогое оборудование.

— Я так и понял. Он весит как небольшой сейф. — Мужчина окинул её взглядом, задержался на ботинках и чуть заметно усмехнулся. — Вы куда так экипированы? На подиум?

— На виллу «Чайка», — холодно ответила Полина.

Усмешка исчезла с его лица. Он посмотрел на неё внимательнее.

— К Штернам?

— Да. А что?

— Ничего. — Он помолчал. — Не самое весёлое место для гостей. Особенно сейчас.

— Я не в гости. Я по работе.

— Тем более.

Он забрал у неё чемодан. Просто взял, не спрашивая, и пошёл вперёд по променаду. Лабрадор потрусил за ним, оглядываясь на Полину, будто приглашая следовать.

— Эй! — Полина догнала его, спотыкаясь на своих каблуках. — Я сама могу!

— Не можете, — спокойно сказал мужчина. — Вы ещё один раз так споткнётесь, и я буду доставать вас с пляжа. А у меня выходной. Штурман, рядом.

Пёс послушно прижался к его ноге.

— Штурман? — переспросила Полина.

— Он раньше на яхте жил. С хозяином. Хозяин уехал, яхту продал, а пса оставил. — Мужчина пожал плечами. — Вот, живёт у меня теперь. На суше. Скучает по морю.

Они шли вдоль обрыва. Ветер рвал полы пальто, в лицо летели брызги. Полина искоса поглядывала на своего неожиданного спутника. Он шагал легко, будто чемодан ничего не весил, и смотрел на море.

— Вы местный? — спросила она.

— Здесь все местные. Кроме вас. — Он покосился на неё.

— Вы из Петербурга. Судя по выговору и по тому, как вы смотрите на море. Как на что-то, что надо оценить.

Полина вспыхнула.

— А вы, судя по манерам, из лесу.

Мужчина неожиданно рассмеялся. Смех у него был короткий, хрипловатый, но искренний.

— Почти угадали. Глеб.

— Полина.

Он кивнул, как будто имя ему подошло.

Вилла «Чайка» стояла на самом краю обрыва, как будто собиралась вот-вот прыгнуть в море.

Это был старый немецкий особняк начала двадцатого века. Три этажа из тёмного кирпича, островерхая черепичная крыша, круглая башенка с флюгером в виде чайки. Высокие окна с частым переплётом. К дому вела аллея из старых лип, совершенно голых в этот осенний час. Слева от дома, за кустами, поблёскивала стеклянная крыша оранжереи. А справа, от самого края обрыва, вниз к пляжу уходила длинная деревянная лестница. Сотни ступенек, перила, площадки для отдыха.

В окнах первого этажа горел жёлтый свет.

Глеб остановился у кованых ворот и поставил чемодан.

— Дальше сами. Я туда не хожу.

— Почему?

Он помедлил.

— Скажем так: меня там не очень любят.

— За что?

— За то, что задаю вопросы, — сказал Глеб. И улыбнулся, но глаза остались серьёзными. — Удачи вам, Полина. И не ходите ночью по той лестнице. Она старая, скользкая. Двадцать ступенек в прошлом году сгнили, их так и не заменили.

Он свистнул псу и пошёл обратно, к променаду. Полина смотрела ему вслед, пока его тёмная фигура не растворилась в сумерках.

Потом повернулась и нажала кнопку звонка.

Дверь открыла женщина лет шестидесяти. Невысокая, сухая, с гладко зачёсанными седыми волосами и тонкими поджатыми губами. В строгом тёмно-синем платье с белым воротничком. Она окинула Полину быстрым цепким взглядом, от мокрых ботинок до растрёпанной причёски.

— Вы из Петербурга? Оценщица?

— Эксперт, — поправила Полина. — Полина Лебедева. Меня ждут.

— Ждут, — сказала женщина без всякого выражения. — Я Галина Степановна, экономка. Проходите. Ростислав Олегович в кабинете.

Внутри дом оказался ещё более мрачным, чем снаружи. Высокие потолки с лепниной, тёмные дубовые панели на сте-

нах, тяжёлые бархатные шторы. Широкая лестница с резными перилами вела вверх. Пахло воском, старой бумагой и почему-то лилиями. На стенах висели картины в золочёных рамах — морские пейзажи, корабли в шторм, мрачные портреты.

А повсюду был янтарь.

Янтарные вазы на каминной полке. Янтарные подсвечники на столиках. В углу холла, в высокой стеклянной витрине, стоял настоящий янтарный парусник, сантиметров семьдесят высотой, с крошечными парусами из тончайших пластинок. Свет лампы проходил сквозь него, и парусник светился изнутри медовым золотом.

Полина невольно остановилась.

— Девятнадцатый век, — сказала она тихо. — Кёнигсбергская мастерская. Боже, какая работа.

Галина Степановна посмотрела на неё с лёгким удивлением. Кажется, впервые с некоторым уважением.

— Аркадий Германович говорил то же самое, — сказала она. — Слово в слово.

Ростислав Олегович Зарецкий оказался именно таким, каким Полина представляла себе семейного адвоката богатого коллекционера. Лет пятидесяти пяти. Высокий, подтянутый, с благородной серебряной сединой и аккуратной бородкой. Безупречный тёмно-серый костюм, шёлковый галстук, запонки с янтарём. Мягкий бархатный голос, тёплое руко-

пожатие, внимательные карие глаза за очками в тонкой золотой оправе.

— Полина Львовна, наконец-то! — Он поднялся из-за огромного письменного стола. — Мы уже начали беспокоиться. Говорят, дорогу завалило?

— Сосна упала. Я шла пешком.

— Пешком! С вашим оборудованием! — Он покачал головой с искренним сочувствием. — Галина Степановна, будьте добры, чаю. И скажите, чтобы Полине Львовне приготовили синюю комнату.

Экономка молча вышла.

— Садитесь, прошу вас. — Зарецкий указал на кожаное кресло у камина. — Вы, наверное, знаете ситуацию в общих чертах. Аркадий Германович Штерн скончался три недели назад. Сердце. Ему было семьдесят восемь. Он собирал янтарь пятьдесят лет. Это крупнейшая частная коллекция в стране. Более четырёхсот предметов.

— Я знаю. Я видела каталог.

— Согласно его воле, завещание будет оглашено только после того, как независимый эксперт проведёт полную оценку коллекции. Он настаивал на этом. Сказал, что не хочет, чтобы наследники передрались, не зная, что именно делят. — Зарецкий грустно улыбнулся. — Хотя, боюсь, они передерутся в любом случае. Оглашение назначено через шесть дней. У вас есть время?

— Если работать с утра до вечера — успею.

— Прекрасно. — Он помолчал. — Главный предмет коллекции вы, конечно, знаете.

— «Янтарное сердце», — сказала Полина.

Она знала. Все, кто имел дело с янтарём, знали. Брошь в форме сердца, около шести сантиметров в высоту. Балтийский янтарь редчайшего прозрачного вишнёвого оттенка, в оправе из золота с мелкими бриллиантами. Работа петербургского ювелира, тысяча восемьсот девяностые годы. Но ценность броши была не в золоте и не в бриллиантах. Внутри янтаря, в самом центре сердца, навсегда застыл комар. Крошечный, идеально сохранившийся, с раскинутыми крыльями, будто он летел сорок миллионов лет назад и замер посреди полёта.

По легенде, брошь принадлежала одной из фрейлин императрицы. По оценкам аукционных домов, она стоила больше, чем вся остальная коллекция вместе взятая.

— Вы её увидите завтра, — сказал Зарецкий. — Она в сейфе в галерее. Аркадий Германович никому её не показывал последние годы. Даже детям.

Ужин подавали в восемь. Длинный стол в столовой, белая скатерть, серебро, хрусталь. Свечи в янтарных подсвечниках. И пять человек, которые явно не хотели сидеть за одним столом.

Зарецкий представил их по очереди.

Виктор Аркадьевич Штерн, старший сын. Сорок пять лет,

грузный, краснолицый, с громким голосом и дорогими часами на волосатом запястье. Владелец сети ресторанов в Калининграде. Он пожал Полине руку слишком крепко и тут же забыл о ней, вернувшись к бокалу коньяка.

Марина Аркадьевна, дочь. Сорок лет, но выглядела моложе. Худая, нервная, с огромными подведёнными глазами и копной рыжих волос. Актриса областного драмтеатра. Она курила длинные тонкие сигареты прямо за столом, и никто не смел ей возразить.

— Оценщица, — протянула Марина, разглядывая Полину сквозь дым. — Как романтично. Будете считать, сколько стоит папино наследство? Не трудитесь. Всё равно всё достанется ей.

Она кивнула в конец стола.

Там сидела молодая женщина. Лет двадцати девяти, не больше. Светлые волосы, собранные в простой узел. Бледное лицо без косметики, тонкие черты, большие серые глаза. Чёрное платье, слишком простое для этой столовой. Она сидела очень прямо и смотрела в тарелку.

— Елизавета Андреевна, — мягко сказал Зарецкий. — Вдова Аркадия Германовича.

— Лиза, — тихо поправила молодая женщина и подняла глаза на Полину. — Просто Лиза. Добро пожаловать.

— Вдова, — громко повторил Виктор и хмыкнул. — Сиделка она. Была сиделкой. Ухаживала за отцом после инфаркта. А через полгода — бац, и уже жена. Ловко, да?

— Витя, — предостерегающе сказал Зарецкий.

— А что Витя? Все знают! — Виктор стукнул бокалом по столу. — Пятьдесят лет разницы! Ты думаешь, она его любила? Старика с больным сердцем? Она любила его янтарь!

Лиза побледнела ещё сильнее, но не сказала ни слова. Только пальцы, сжимавшие салфетку, побелели.

— Дядя Витя, хватит, — сказал последний человек за столом.

Это был молодой мужчина лет тридцати двух. Худой, взлохмаченный, в мятом свитере и очках. Он сидел рядом с Лизой и выглядел так, будто хотел провалиться сквозь землю.

— Денис, — представил его Зарецкий. — Племянник Аркадия Германовича. Фотограф. Он снимал коллекцию для каталога.

— Очень приятно, — пробормотал Денис, не поднимая глаз.

Ужин прошёл в тяжёлом молчании, которое прерывалось только колкостями Марины и громким сопением Виктора. Галина Степановна бесшумно подавала блюда и убирала тарелки, и её лицо было непроницаемым, как у статуи. Полина ела, почти не чувствуя вкуса, и думала о том, что в этом доме слишком много людей, которые ненавидят друг друга. И слишком много денег, чтобы ненависть оставалась безобидной.

Синяя комната оказалась на втором этаже, в конце длинного коридора. Высокая кровать с балдахином, старинный туалетный столик, окно с видом на море. Где-то внизу ревели волны.

Полина распаковывала чемодан, когда в дверь тихо постучали.

На пороге стояла Галина Степановна с подносом. Чашка чая, вазочка с печеньем.

— Вы за ужином почти не ели, — сказала она. — Аркадий Германович всегда велел приносить гостям чай на ночь.

— Спасибо.

Экономка поставила поднос на столик. Но не ушла. Постояла, глядя на оборудование, разложенное на кровати: лампы, лупы, микроскоп.

— Вы правда умеете отличать настоящий янтарь от поддельного? — спросила она вдруг.

— Это моя работа.

Галина Степановна помолчала. Потом подошла к двери, выглянула в коридор, прислушалась. Снова закрыла дверь.

— Полина Львовна, — сказала она очень тихо. Голос у неё был напряжённый, будто каждое слово давалось с трудом. — Я в этом доме тридцать два года. Я Аркадия Германовича знала лучше, чем его собственные дети. И я вам скажу одну вещь. Вы будете смотреть на камни. Это хорошо. Но смотрите не только на камни.

— Что вы имеете в виду?

Экономка покачала головой.

— Не всё в этом доме то, чем кажется. И не всё, что блещит, — янтарь.

Она быстро вышла, не дав Полине задать ни одного вопроса. Дверь бесшумно закрылась.

Полина долго стояла посреди комнаты. Потом подошла к окну.

Ночь была тёмной, безлунной. Внизу, у подножия обрыва, белела полоса прибоя. А по пляжу, вдоль самой кромки воды, медленно шёл человек с фонариком. Рядом с ним бежала собака.

Полина почему-то была уверена, что это Глеб.

И почему-то ей стало немного спокойнее.

Глава 2. Комар, которого не было

Галерея занимала всё восточное крыло третьего этажа.

Это была длинная узкая комната с высокими окнами, выходящими на море. Вдоль стен стояли стеклянные витрины на резных дубовых ножках, и в каждой лежал янтарь. Сотни предметов. Бусы и браслеты, шкатулки и табакерки, фигурки зверей и птиц, шахматы, иконы в янтарных окладах, курительные трубки, печати. И просто камни: необработанные, бесформенные, но такие красивые, что от них невозможно было оторвать взгляд. Медовые, лимонные, молочно-белые, почти чёрные. В некоторых застыли насекомые, листья, пузырьки воздуха, капли древней воды.

Утреннее солнце, редкое для конца октября, било в окна, и вся галерея светилась изнутри тёплым золотым светом. Будто Полина вошла внутрь огромного куска янтаря.

Она остановилась на пороге и забыла дышать.

— Красиво, правда? — тихо сказал кто-то за её спиной.

Полина обернулась. В дверях стояла Лиза. В том же простом чёрном платье, с подносом, на котором дымились две чашки кофе.

— Я подумала, вы захотите кофе. Галина Степановна обычно приносит, но сегодня она с утра какая-то... не знаю. Сама не своя.

— Спасибо.

Лиза поставила поднос на подоконник. Подошла к одной из витрин и долго смотрела на маленькую янтарную лягушку, вырезанную так искусно, что казалось, она вот-вот прыгнет.

— Аркадий научил меня их различать, — сказала она. — Сначала мне казалось, что это просто жёлтые камешки. А он рассказывал про каждый. Где нашли, кто вырезал, какая у него история. Часами мог рассказывать. — Она слабо улыбнулась. — Его дети считают, что я вышла за него из-за денег. А я вышла, потому что он был первым человеком, который со мной разговаривал. По-настоящему разговаривал. Понимаете?

Полина не знала, что ответить. Она смотрела на эту бледную девушку с усталыми глазами и пыталась понять, говорит ли та правду. С камнями было проще. Камень не умеет притворяться.

— Я понимаю, — сказала она наконец.

Лиза кивнула и ушла, оставив за собой лёгкий запах лаванды.

Полина работала весь день.

Она начала с дальнего конца галереи, методично, витрина за витриной. Каждый предмет — в руки, на весы, под лупу. Цвет, прозрачность, включения. Ультрафиолетовая лампа: настоящий балтийский янтарь в её свете светится голубоватым, иногда зеленоватым, а подделки — пластик, стек-

ло, искусственные смолы — ведут себя иначе. Потом микроскоп. Потом записи в толстый блокнот, аккуратным дедовским почерком, которому он научил её в детстве.

К трём часам дня она описала сто двенадцать предметов. Все были настоящими. Аркадий Штерн знал толк в янтаре.

В четыре пришёл Зарецкий.

— Ну что, Полина Львовна? Готовы к главному?

Он подошёл к стене в самом конце галереи и отодвинул небольшую картину — морской пейзаж с маяком. За ней оказалась дверца сейфа. Зарецкий набрал код, прикрывая клавиатуру ладонью, повернул ручку.

Внутри, на чёрном бархате, в небольшом футляре из красного дерева, лежало «Янтарное сердце».

Полина видела его на фотографиях сотни раз. Но фотографии ввали. Вживую брошь была гораздо красивее. Вишнёвый янтарь светился так глубоко и ярко, будто внутри горел крошечный огонь. Золотая оправка, тонкая, кружевная, усыпанная мелкими бриллиантами, обнимала камень, как ладони обнимают пламя свечи. А в самом центре, в самом сердце сердца, парил комар. Тонкие лапки, прозрачные крылья, изогнутое тельце.

— Боже, — прошептала Полина.

— Да, — сказал Зарецкий с гордостью, будто это была его брошь. — Мне оставить вас одну?

— Если можно.

— Конечно. Я буду в кабинете. Позовите, когда закончи-

те.

Он вышел. Полина надела белые хлопковые перчатки, осторожно взяла футляр и перенесла его к столу у окна, где разложила своё оборудование.

Сначала она просто смотрела. Долго, внимательно. Так учил дед: прежде чем спрашивать камень, надо с ним познакомиться.

Оправа была подлинной. Это она поняла сразу. Петербургское золото пятьдесят шестой пробы, клеймо мастера, едва различимое под лупой, — инициалы и маленький двуглавый орёл. Бриллианты старой огранки, «роза», какой их гранили больше ста лет назад. Крошечные потёртости на золоте там, где брошь касалась ткани платья. Всё было правильно.

Потом она включила ультрафиолетовую лампу.

И что-то внутри неё тихо сжалось.

Янтарь светился. Но не так. Не тем мягким голубовато-молочным сиянием, которое она видела сегодня у ста двенадцати предметов подряд. Свечение было ровнее, плотнее, с каким-то едва заметным меловым оттенком. Если бы она не провела весь день с настоящим балтийским янтарём, она бы, наверное, не заметила. Разница была крошечной. Но она была.

— Нет, — сказала Полина вслух. — Нет, не может быть.

Она выключила лампу. Положила брошь под микроскоп. Настроила резкость.

Пузырьки. В настоящем янтаре пузырьки воздуха бывают неправильной формы, вытянутые, сплюснутые, как застывшие капли. Здесь они были слишком круглыми. Слишком аккуратными. Как бывает в смоле, которую разогревали и прессовали.

И комар.

Полина долго смотрела на него. На его крылья, на тельце, на тонкие изогнутые лапки. И вдруг увидела то, отчего у неё похолодели пальцы.

На лапках комара были белые полосы. Тонкие, чёткие, как кольца.

Она знала этого комара. Каждый, кто занимался янтарём с включениями, знал. Азиатский тигровый комар. Чёрный, с белыми полосками на лапках и спинке. Вид, который пришёл в Европу из Юго-Восточной Азии всего несколько десятилетий назад. Его можно встретить летом в Сочи или в Италии.

Но его никак не могло быть в балтийском янтаре. Балтийскому янтарю сорок миллионов лет. А этот комар, скорее всего, жужжал над чьей-то верандой лет пятнадцать назад.

Полина откинулась на спинку стула. Сердце колотилось так громко, что ей казалось, его слышно во всей галерее.

Это была подделка. Великолепная, мастерская, очень дорогая подделка. Кто-то взял настоящую старинную оправу, вынул из неё подлинный камень и вставил на его место искусную копию: молодую смолу, спрессованную и окрашен-

ную в вишнёвый цвет, с современным комаром внутри. Сделал это так тонко, что обмануть можно было почти любого.

Почти.

Но этот человек не знал, что за полоски на лапках бывают у комаров.

Зарецкий выслушал её молча.

Он сидел за своим огромным столом, сцепив пальцы в замок, и лицо у него было неподвижным. Только когда Полина дошла до комара, он медленно снял очки и потёр переносицу.

— Вы уверены? — спросил он наконец. Голос у него стал глуше.

— Абсолютно. Я могу показать вам под микроскопом. И ультрафиолет. И пузырьки. Это не балтийский янтарь, Ростислав Олегович. Это копия. Оригинал подменили.

— Когда?

— Не знаю. Может быть, год назад. Может быть, десять. По самой подделке этого не скажешь. — Она помолчала. — Аркадий Германович мог знать?

Зарецкий покачал головой.

— Если бы он знал, он бы перевернул весь дом. Эта брошь была для него... как ребёнок. — Он надел очки. Посмотрел на Полину долгим внимательным взглядом. — Кто ещё об этом знает?

— Никто. Только вы.

— Хорошо. — Он кивнул. — Очень хорошо. Полина Львовна, я вас очень прошу: никому ни слова. Ни наследникам, ни прислуге, никому. Вы видели, что творится за столом. Если сейчас выяснится, что главное сокровище коллекции украдено, они перегрызут друг другу горло. Начнутся обвинения, скандалы, полиция... А до оглашения завещания осталось пять дней. Давайте дождёмся его. А я пока свяжусь со службой безопасности, с моими людьми в Калининграде. Тихо, аккуратно. Договорились?

Полина колебалась. Ей это не нравилось. Подмена такой вещи — это преступление, и о преступлении надо сообщать. Но Зарецкий был адвокатом семьи, он официально её нанял, и последнее слово было за ним.

— Договорились, — сказала она неохотно. — Но я продолжу оценку остальной коллекции. Если это не единственная подмена, я должна знать.

— Конечно. — Зарецкий улыбнулся своей мягкой улыбкой. — Вы удивительный специалист, Полина Львовна. Аркадий Германович был бы счастлив, что именно вы взяли за его коллекцию.

Когда Полина вышла из кабинета, в конце коридора мелькнуло тёмно-синее платье. Галина Степановна. Экономка быстро свернула за угол, на лестницу, и её шаги затихли внизу.

Полина остановилась. Стояла ли она у двери? Слышала ли?

Она не знала. Но весь вечер, за ужином, ловила на себе пристальный взгляд экономки. Взгляд, в котором было что-то, похожее на страх.

Ночью Полина не могла уснуть.

Она лежала под тяжёлым балдахинном и смотрела в темноту. За окном шумело море, ветер гудел в трубах, где-то скрипела ставня. Старый дом жил своей ночной жизнью: вздыхал, потрескивал, шептал.

В голове крутились одни и те же мысли. Подделка. Тигровый комар. Подлинная оправа, которую кто-то держал в руках, раскрывал крошечными щипчиками, вынимал камень. Кто? Человек, у которого был доступ к сейфу. Человек, который знал код. Человек, который точно знал, кому заказать такую тонкую копию.

В начале первого она сдалась. Встала, накинула кардиган и подошла к окну.

Ночь была ясной и холодной. Луна, почти полная, висела над морем, и по воде тянулась от неё серебряная дорожка. Сад внизу казался вырезанным из чёрной бумаги: голые липы, кусты, дорожки.

И оранжерея.

В оранжерее горел свет.

Не электрический. Слабый, прыгающий огонёк фонарика. Он двигался за стеклом, медленно, от одного края к другому. Останавливался. Снова двигался. Будто кто-то что-то искал

среди растений. Или срезал.

Полина замерла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу.

Огонёк погас.

Через минуту дверь оранжереи открылась, и оттуда вышла тёмная фигура. В длинном плаще или пальто, с капюшоном. Невозможно было понять, мужчина это или женщина. Фигура постояла, оглядываясь. Потом быстро пошла по дорожке. Не к дому. В сторону обрыва, туда, где начиналась длинная деревянная лестница к морю.

И исчезла за кустами.

Полина стояла у окна ещё долго. Сердце колотилось. Она думала о том, чтобы спуститься. Разбудить кого-нибудь. Но кого? Зарецкого? Виктора, который весь вечер пил коньяк? Она вспомнила слова Глеба: «Не ходите ночью по той лестнице». И осталась.

Около часа ночи ей показалось, что снаружи, сквозь вой ветра, донёсся короткий вскрик. А может быть, это кричала чайка. Или ветер.

Она не знала.

Она легла в постель и долго лежала с открытыми глазами, слушая море. И уснула только под утро, когда небо за окном стало серым.

Её разбудил крик.

Настоящий, человеческий крик, хриплый, полный ужаса.

Он доносился снаружи, со стороны обрыва.

Полина вскочила, бросилась к окну. Внизу, по садовой дорожке, к дому бежал старик в ватнике и резиновых сапогах. Садовник, Тимофей, она видела его вчера мельком. Он размахивал руками и кричал что-то, чего она не могла разобрать.

Полина накинула пальто прямо на пижаму и сбежала вниз.

В холле уже собирались люди. Заспанный Денис в свитере, натянутом наизнанку. Марина в шёлковом халате, бледная, без своего обычного грима. Лиза, кутающаяся в шаль. Зарецкий, полностью одетый, будто и не ложился. Последним, тяжело топая, спустился Виктор.

Тимофей ввалился в дверь, задыхаясь. Лицо у него было белым как мел.

— Там... — Он махнул рукой в сторону моря. — На лестнице... Галина... Галина Степановна...

— Что? — резко спросил Зарецкий. — Что с ней?

Старик посмотрел на него. И Полина поняла раньше, чем он сказал.

— Мёртвая, — выдохнул Тимофей. — Упала. Там, где ступеньки гнилые. Вниз... на камни...

Лиза тихо вскрикнула и закрыла лицо руками. Марина опустилась на ступеньку лестницы, будто у неё подкосились ноги. Виктор грязно выругался.

А Полина стояла посреди холла и думала о прыгающем

огоньке в оранжерее. О тёмной фигуре, уходившей к обрыву. И о коротком вскрике, который она приняла за крик чайки.

Полиция приехала через сорок минут.

Две машины с мигалками остановились у кованых ворот. Из первой вышли двое молодых оперативников в форме и женщина-криминалист с чемоданчиком. Из второй, не спеша, выбрался высокий мужчина в тёмной куртке.

Полина стояла на крыльце, всё ещё в пальто поверх пижамы, и смотрела, как он идёт по липовой аллее. Неторопливо, засунув руки в карманы. Ветер трепал его тёмные волосы с проседью на висках.

Он поднялся на крыльцо. Остановился. Посмотрел на неё своими светло-серыми глазами.

— Доброе утро, Полина, — сказал он. — Хотя доброе — это вряд ли.

— Вы... — Она растерялась. — Вы из полиции?

— Следователь Ветров. Глеб Андреевич. Следственный отдел по Зеленоморскому району. — Он чуть заметно усмехнулся. — Я же говорил: меня здесь не любят за то, что я задаю вопросы.

Он помолчал, глядя куда-то мимо неё, в сторону обрыва, где над лестницей уже кружили чайки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.